

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уже давно являлась у меня мысль подытожить в автобиографических воспоминаниях и записках основное содержание всего пережитого мною на долгом жизненном пути, отметить накопившийся и влиявший на склад личности жизненный опыт, помянуть словами признательной памяти выдающихся людей, с которыми сводила меня судьба. Пересматривая мои ежедневные заметки за наиболее тяжёлые месяцы блокады Ленинграда, я встречаю следующую запись 26 декабря 1941 года: «Сегодня ночью повторные сирены воздушной тревоги, непрерывный грохот зениток, гул обстрела, взрывы бомб и снарядов отгоняли от меня сон. Вновь и вновь пробегал я мысленно различные этапы моей жизни. Как складывалась личность, т. е. совокупность приёмов действия, поведения, переживаний в обстановке жизни? Передо мной проносились возникавшие столько раз стремления и мысли, их сопровождающие. Сколько было в жизни моей положений, полных захватывающего интереса и глубокого драматизма! Сколько богатых содержанием встреч с людьми первого ранга, с драгоценными самоцветами людского мира! Никифор Иванович Лукьянович, Анна Ник. Деген-Ковалевская, Иван Андреевич Дмитриев, Ник. Александрович Огородников, Иван Васильевич и Павел Васильевич Шулепниковы, Пётр Иванович Куркин, Владимир Иванович Вернадский, Дмитрий Иванович Шаховской, Владимир Валерьянович Подвысоцкий, Савва Артемьевич Самофал и много, много других. Писать систематические воспоминания — этого я не хочу, не смогу: исчерпаем материал, да и нет мотивов всё и все положения освещать и закреплять. Есть слишком много сторон и явлений в жизни, которых касаться бесцельно. Но всё же следует завести папку для некоторых моих воспоминаний».

Да, прожить долгую жизнь, полную напряжённого труда и борьбы, — это не поле перейти. Тут и чистое поле, и тёмный дремучий лес, и ровная дорога, и «косогоры да овраги», по которым катит, по словам нашего великого Пушкина, «телега жизни» в жизненный полдень, тут неожиданные крутые обрывы и внезапные повороты, бурные водовороты и тихие заводи... И через всё это протягивается нить той жизни, которая предстаёт перед нашим сознанием, как наша собственная жизнь, как некое «целостное единство», сохраняющее своё преемственное тождество на всём своём протяжении.

С чего же, с какого момента начинается в нашем сознании наш жизненный путь, наша демографическая «линия жизни»? Как возникает, из чего складывается, что входит в содержание нашей «целостной» личности? Чем поддерживается сознание единства этой нашей личности во времени, нашей единой жизни в сменяющиеся различные её периоды?

Когда длинный жизненный путь уже позади, когда «исчезают позади звёзды, светившие в жизни, издали идёт и близится брат забот и тревог — смерть» (Гёте), заманчивым кажется желание попытаться в личных своих воспоминаниях подойти к поискам материалов для ответов на эти возникающие в нашем сознании вопросы. И в то же время жизнь — ведь это наша песня. Мотивы и мелодии её слагаются и напеваются нами, пока колесит наша «телега жизни»¹, погоняемая неумолимым ямщиком — временем. Под стук колёс этой «телеги жизни» мы напеваем слагающуюся у нас песню, пока, наконец, не убеждаемся, что «песенка наша спета». Но вот ближе к концу жизненного пути слабеет и смолкает наша песня, а «телега» всё ещё неудержимо катит, подгоняемая временем, и тогда в памяти оживают напевы и мелодии, слагавшиеся на оставшемся уже позади жизненном пути, оживают мысли, решения, стремления, родившиеся и окрепшие в суровой школе жизни под воздействием опыта, выстоявшие под её гнётом, её ударами. Оживают и взывают словами Тараса Шевченко:

Раз добром нагріте серце
Вік не прохолоне.

А деж твої думи, рожеві квіти?
Доглядани, сміли, вихохані діти?
Кому ти їх, друже, кому передав?
Чи може навікі в серці заховав?

Ой, не ховай, брате, разсып їх, раскидай.
Зійдуть и ростимуть и у люди вийдуть.
(Сон. 1844 г.)

З. Френкель

---

¹ Замечательное своё стихотворение «Телега жизни» А. С. Пушкин написал в 1818 г., когда ему шёл ещё только девятнадцатый год:

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везёт, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошёл, кузькина мать!

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшной
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега,
Под вечер мы привыкли к ней,
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.